единства экономического пространства и права экономической деятельности для каждого, но и специфику защиты личных прав и свобод, не связанных с экономической деятельностью.

При решении вопроса о подведомственности дела суду общей юрисдикции экономический характер спора выступает как отсылочный и негативный критерий. Он является таковым (ч. 3 ст. 22 ГПК РФ) потому, что его использование предполагает ссылку на другой процессуальный критерий, а негативным – потому, что при установлении экономического характера спора судьей делается вывод о неподведомственности дела суду общей юрисдикции.

При этом возникает парадоксальная ситуация: принципиально важное решение по делу (о принятии его к производству или об отказе в принятии заявления, о продолжении или прекращении производства) принимается на основании процессуального закона, регулирующего судопроизводство, относящееся к другой ветви судебной власти. При этом используется весьма специфический и чужеродный по отношению к сфере компетенции суда общей юрисдикции внешний критерий.

Думается, что судьи судов общей юрисдикции допускали бы значительно меньше ошибок при определении подведомственности дел, если бы они руководствовались не только и не столько негативным критерием экономического характера спора, сколько позитивным критерием подведомственности дела суду общей юрисдикции. Такой позитивный критерий подведомственности сформулирован в ч. 1 ст. 22 ГПК РФ. Однако отсутствие соотнесенности с конституционной миссией суда общей юрисдикции снижает его значимость.

Дело в том, что миссия суда общей юрисдикции не закреплена на конституционном уровне. Ст. 126 Конституции РФ не содержит даже косвенного указания на это, а в определении компетенции суда («подсудности», в терминологии Конституции РФ) в этой статье содержится логическая ошибка: компетенция суда общей юрисдикции определяется через «подсудность» же судам общей юрисдикции. Для сравнения, в ст. 127 содержится указание на экономический характер споров, что позволяет хотя бы в самом общем виде определить специфику дел, отнесенных к компетенции арбитражного суда.

Нет указания на конституционную миссию суда общей юрисдикции и в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Кроме того, в формулировке ст. 126 Конституции РФ содержится несогласованность с ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, которая устанавливает четыре формы судопроизводства: конституционное, гражданское, административное и уголовное, между тем как в ст. 126, наряду с гражданскими, уголовными и административными упоминаются «и иные дела».

Из совокупности указанных норм и понимания экономического спора вытекает конституционная миссия суда общей юрисдикции, состоящая в судебной защите неэкономических прав граждан и организаций.

Согласно законодательству о судебной системе Российской Федерации низовым звеном в системе арбитражных судов являются арбитражные суды субъектов Российской Федерации, располагающиеся в крупных областных центрах и городах федерального значения, то есть не в непосредственной доступности для большинства граждан, особенно проживающих в небольших населенных пунктах, селах. Что же касается судов общей юрисдикции, то они в значительно большей мере приближены к месту жительства большинства населения страны, так что обращение в суд общей юрисдикции не требует от гражданина ни дополнительных расходов на поездку к месту его расположения, ни перерыва в трудовой деятельности. Судопроизводство в суде общей юрисдикции в большей степени приспособлено для защиты прав и законных интересов граждан, что и нашло отражение в п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ. На это обстоятельство указывает Пленум Верховного Суда РВ в своем постановлении от 10.06.2008 № 10 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации поправок к статьям 1 и 13 проекта Федерального закона № 384664-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования порядка разрешения корпоративных конфликтов)».

Литература

1. *Андреева Т.К.* Арбитражные суды в судебной системе РФ // Отечественные записки. 2003. № 2(11).
2. *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. Волтерс Клувер, 2006.
3. Постановление Госстандарта РФ от 06.11.2001 № 454-ст «О принятии и введении в действие ОКВЭД» (вместе с «Общероссийским классификатором видов экономической деятельности» ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1). В период с 01.01.2008 по 01.01.2011 также применяется «Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2007» (КДЕС Ред. 1.1)
4. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 15.10.2009 по делу № А74-1667/2009 о взыскании основного долга по договору аренды земельного участка.
5. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2010 по делу № А11-13846/2009.
6. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 25.07.2008 по делу № А29-1711/2008.
7. *Останин С.* Казусы «единства» судебной практики // ЭЖ-Юрист. 2010. № 15.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ И ДИСКУРСЕ

Эллина УРТАЕВА

преподаватель, соискатель факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова

Одной из особенностей современного энергетического дискурса является то, что его основным концептуалом стало понятие энергетической безопасности.

На рубеже XX-XXI веков шведскими учеными Б. Бузаном и О. Вэвером была предложена теория секьюритизации (securitization), в рамках которой безопасность трактуется не столько как объективное состояние дел, сколько как дискурсивная практика, направленная на модификацию иерархии политических приоритетов [1]. Под секьюритизацией той или иной проблемы (темы) международной жизни понимается включение этой проблемы (темы) в дискурс безопасности. Тем самым ей придается статус экзистенциальной угрозы, требующей чрезвычайных мер противодействия [2]. При смещении фокуса исследования с изучения угроз как таковых на анализ их концептуализации в социально-историческом контексте подход, предложенный Б. Бузаном и О. Вэвером, представляет собой не столько направление исследований в области собственно безопасности, сколько стратегию исследования международно-политического дискурса. В таком виде это одно из наиболее

продуктивных направлений исследований.

Пользуясь понятийным аппаратом теории секьюритизации, можно сказать, что в течение последнего десятилетия, с начала XXI века, наблюдается резкая секьюритизация энергетической проблематики в западном внешнеполитическом дискурсе. Этот процесс выражается в том, что решение вопросов о гарантиях энергообеспечения последовательно переводится в формат «политики паники» (термин Б. Бузана и О. Вэвера). Предмет «паники» – энергетическая зависимость Европы от России. Обсуждение проблематики энергообеспечения полностью погружено в дискурс безопасности. При этом энергетическая безопасность понимается как полная независимость от внешних агентов в вопросах энергообеспечения.

В этом явлении следует различать реальные предпосылки ресурсной зависимости Европы от внешнего энергообеспечения, связывающие ее тесными и достаточно прочными и долговременными экономическими связями со странами-поставщиками энергоресурсов, крупнейшим из которых является Россия. С другой стороны, это политические и идеологические предпосылки, которые ложатся в основу европейских концепций, связывающих энергетическую безопасность региона с разрывом или ослаблением этих традиционных связей в угоду взятой на вооружение его руководителями «политики паники».

Европейский союз объективно в значительной степени зависит от внешних поставок энергии.. Хотя в основе интеграционного процесса в Западной и Центральной Европе лежал комплекс мотивов, в том числе политических и идеологических, озабоченность энергообеспечением занимала среди них далеко не последнее место. 18 апреля 1951 г. в Париже был подписан Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) [3], участниками которого стали шесть государств: Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, ФРГ и Франция. Договор был заключен на 50 лет. С его подписанием начался первый этап европейской интеграции, который ряд ученых называет секторальной интеграцией [4]. В 1957 г. Договор о Евроатоме учредил Европейское сообщество по атомной энергии [5]. Соглашение о Европейском объединении угля и стали (ЕОУС) и Договор Евроатома – два важнейших документа, устанавливающих отношения на уровне Европейского сообщества.

В дальнейшем (в 1967 г.) произошло слияние институциональных структур ЕОУС, ЕЭС и Евроатома с институциональными структурами ЕЭС. В этот период возрастает и роль Совета. Однако, как отмечает М.Е. Стержнева, «отраслевую интеграцию, то есть решение более или менее конкретных вопросов, технически проще было отдать на откуп международным чиновникам. Но при переходе к общей экономической интеграции преимущества бюрократической формы организации терялись, так как общая интеграция требовала большей гибкости в подходе к выработке политической стратегии» [6].

В середине 1960-х гг. страны Западной Европы обеспечивали более 60% своих энергетических потребностей за счет импорта ближневосточной нефти. Европейские эксперты предупреждали о потенциальной «рыночной власти» ближневосточных поставщиков нефти и риске энергетического кризиса в середине 1970-х. В 1968 г. Сообщество установило режим для создания обязательных запасов нефти. Прогнозы экспертов оправдались, и нефтяной кризис 1973–1974 гг. послужил мощным фактором дальнейшей торгово-экономической интеграции стран Западной Европы. Были приняты некоторые дополнительные директивы и решения: о поддержании аварийных запасов топлива на электростанциях, о дополнительных мероприятиях, касающихся поставок нефти, множество рекомендаций по рациональному использованию энергии.

Нефтяной кризис 1973–1974 гг. и вызванный им в 1975 г. общий экономический кризис в Западной Европе вскрыл экономические, финансовые и энерго-политические разногласия партнеров по ЕС. Как писал Л. Шпэт, «...девиз “Наша сила в единстве” был заменен на призыв “Спасайся кто может!”» [7]. Память о кризисе середины 1970-х служит одной из причин секьюритизации энергетической проблематики в сегодняшнем европейском внешнеполитическом дискурсе. Этот исторический прототип не может не накладывать отпечаток на сценарии возможных отношений с внешними поставщиками энергоресурсов, в том числе Россией.

Активная деятельность центральных институтов ЕС в энергетике началась только в 1990-х гг., когда Комиссия европейских сообществ (КЕС) под руководством Жака Делора поставила перед собой цель ликвидировать сегментацию национальных энергетических рынков (их было двенадцать) и создать единый энергетический рынок. КЕС стала действовать в двух направлениях: правового сближения регулирования национальных рынков энергетики и стимулирования развития инфраструктуры внешних поставок природного газа и электроэнергии, физическую основу которой составили созданные в 1990-х гг. трансевропейские сети. Гармонизировались экологические стандарты, постепенно вводилась конкуренция между поставщиками не только нефти и угля, но и электроэнергии и природного газа, либерализировался доступ на внутренние рынки стран-членов, а также к газопроводам и линиям электропередачи [8].

Однако позиция ЕС по вопросам энергетического обеспечения с начала 90-х гг. XX века претерпела изменения, в чем нельзя не усмотреть проявления секьюритизации проблем энергообеспечения. С распадом СССР главной целью было обеспечение стабильности поставок российских энергоносителей. На рубеже веков был выдвинут лозунг диверсификации поставок с целью повышения безопасности энергоснабжения. При этом под диверсификацией подразумеваются разные проекты, включая попытки введения ограничений на долю рынка одного поставщика на европейском рынке, требования открытия транспортных инфраструктур всех соседствующих государств и др.

Еще в 1960-е гг. Европейским судом был сформулирован принцип параллелизма, позволяющий ЕС сотрудничать с третьими странами и международными организациями в тех областях, где действует единое регулирование внутреннего рынка ЕС и соответствующие компетенции утрачены государствами-членами де-факто. На этой правовой основе КЕС предполагала создать технологический и правовой фундамент единой европейской энергетики. Что касается инструментов реализации этого плана, то изначально предполагалось, что в отношениях с Россией такими инструментами станут Энергетическая хартия и Договор к ней (ДЭХ) как многостороннее международное соглашение, регламентирующее общие вопросы взаимоотношений в области энергетики в таких сферах, как торговля, инвестиции, транзит.

Когда стало очевидно, что Москва не присоединится к ДЭХ, был организован Энергетический диалог, в рамках которого стали обсуждаться экологические стандарты, перспективы либерализации энергетического сектора России, варианты развития инфраструктуры поставок электроэнергии, нефти и природного газа, повышение энергетической эффективности и средства энергосбережения. В интересах энергобезопасности Евросоюза осуществлялись попытки дискуссий об условиях вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Несмотря на то, что торговля энергоносителями не регулируется правилами ВТО, представители Европы стремились включить в переговоры и вопрос о внутренних российских ценах на газ, и условия российских поставок природного газа и его транзита из Центральной Азии. Использовались в энергетическом дискурсе и внутренние акты Европейского союза, в том числе третий пакет по либерализации, включающий так называемую «газ-

промовскую оговорку», согласно которой энергетические компании, учрежденные не в ЕС, не могут приобретать транзитные и дистрибьюторские сети на территории Евросоюза, если они не разделили свою производственную цепочку на обособленные сегменты добычи (генерации), транспортировки и распределения (в соответствии с принципами либерализации Европейского союза).

В целом в подходе центральных структур ЕС к обеспечению энергобезопасности доминирует экономическая логика распространения своего законодательства на соседние страны и замыкание на себя всей транспортной инфраструктуры. Так, в Лиссабонский договор, текст которого был подготовлен в 2007 г., страны-члены Европейского союза и Европейская комиссия включили положение об «энергетической солидарности». К концу 2008 г. Еврокомиссия представила очередной стратегический доклад в области энергетики, в котором призвала развивать инфраструктуру и диверсифицировать поставщиков природного газа с целью снижения энергетической зависимости от России. Х. Солана, пересматривая Стратегию безопасности ЕС, существенно расширил положение о политическом обеспечении энергетической безопасности. В стратегию «Восточного партнерства» были включены статьи, которые выделяли энергетику в особую категорию сотрудничества, а также предоставляли Евросоюзу обширные возможности вмешиваться в осуществление этой стратегии восточными партнерами. Конфликт России и Украины в начале 2009 г., в ходе которого было допущено краткосрочное вынужденное прерывание поставок природного газа в ряд стран Европейского союза, до предела накалил политическую атмосферу вокруг энергетических вопросов.

Таким образом, с начала 90-х гг. XX века до начала экономического кризиса 2008 г. произошел переход Европейского союза от экономических стратегий обеспечения энергобезопасности к политическим, сформировался своеобразный энергетический дискурс, раскрывающий проблему энергоснабжения с использованием характерных для современного политического дискурса риторических средств. При этом политизация внешней энергетической деятельности Европейского союза сопровождается ее секьюритизацией.

Это проявляется в том, что в контексте развиваемого ЕС энергетического дискурса объективно существующие исторически сложившиеся энергетические связи с Россией расцениваются как «зависимость» от одного поставщика, которая, в свою очередь, представляется как источник угрозы. В связи с этим ставится задача «минимизации зависимости» от России. При этом собственно экономические факторы и соображения экономической и технической целесообразности в расчет не принимаются. Как замечает Т.А. Романова, «Брюссель практически перестал рассматривать средства обеспечения энергобезопасности с точки зрения того, насколько они мотивированы рынком или разделяются компаниями» [8].

Главным стратегическим направлением энергетической политики ЕС стал активный поиск альтернативных каналов поставки природного газа, характерным примером чего может служить продвижение проекта «Набукко». При этом специфика подхода руководства ЕС к данному вопросу заключается в том, что вся активность протекает главным образом в идеологическом и дипломатическом планах, в то время как о реальных серьезных инвестициях речь не идет.

В целом решение вопросов об энергобезопасности последовательно переводится в категорию «политики паники».

Нельзя сказать, что политизация энергетической проблематики в политическом сознании Запада начала XXI века не имела определенных объективных предпосылок. Одна из них заключается в том, что Россия не пошла по пути либерализации газового рынка на основе правил, разработанных в Брюсселе, и не открыла свою территорию для свободного транзита третьими странами азиатского газа в объединенную Европу, как того требовали от нее принципы, заложенные в ДЭХ. Кроме того, нельзя не отметить такие внутриевропейские факторы, как затянувшийся процесс реформирования правовой базы ЕС, требования ряда стран (в первую очередь Польши) включить в учредительные документы положение по энергетической безопасности и энергетической солидарности государств-членов. Развитию «энергетической паники» в Европе немало способствовали и высокие рекордные цены на углеводороды до начала мирового экономического кризиса.

После 2008 г. и вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 г. действие этих факторов прекратилось или смягчилось. В странах ЕС наметились тенденции, свидетельствующие о нежелании государств идти на дальнейшее углубление интеграции. В результате этого с середины 2010 г. появились признаки деполитизации энергетической дипломатии. Это проявляется в исчезновении упоминаний руководителями Еврокомиссии и национальными лидерами Европы о российской «энергетической угрозе», заявлениях отдельных национальных лидеров о поддержке сооружения газопроводов с участием России («Южный поток» и «Северный поток»), прекращение поддержки альтернативных газопроводов в обход России («Набукко»), снижении частоты заявлений о необходимости разработки альтернативных источников энергии.

В то же время необходимым условием достижения комплиментарности подходов в энергетической дипломатии является выработка такой концепции глобальной энергетической безопасности, которая в равной степени отражала бы интересы как потребителей, так и поставщиков. Пока она не выработана, расхождения в подходах неизбежны. На дипломатическом уровне свое формальное согласие с необходимостью такой концепции ведущие государства выразили летом 2006 г. на саммите «большой восьмерки». Однако в реальную энергетическую дипломатию эта позиция пока не воплотилась, чему подтверждением служат, в частности, меры, предложенные Еврокомиссией в рамках третьего энергетического пакета: имущественно-правовое разъединение вертикально-интегрированных компаний и ограничение инвестиций из третьих стран.

Традиционно практикуемые в поставках газа из России в Европу и составляющие основу традиционной модели газового рынка долгосрочные контракты, с одной стороны, обеспечивают прозрачные и предсказуемые цены для потребителей, а с другой – страхуют поставщика от волатильности сырьевых рынков и дают производителям гарантированные доходы, что является необходимым условием реинвестирования прибыли в разработку новых месторождений. В.А. Язев указывает, что «в современных условиях газ не может быть добыт, пока он не продан» [9], поэтому экспортерам энергоресурсов с целью окупаемости все возрастающих инвестиций в добычу необходимо планировать свою деятельность на долгосрочный период, а частые изменения условий функционирования энергетического рынка ЕС, проводимые в одностороннем порядке без учета интересов всех участников, вносят большую неопределенность в планы развития компаний. «Подобная законодательная нестабильность и непредсказуемость решений ЕС могут повлиять на привлекательность европейского рынка не только для уже зарекомендовавших себя игроков, но также новых потенциальных участников, за счет которых ЕС рассчитывает диверсифицировать географическую и товарную (в частности развитие проектов СПГ) структуру импорта энергоносителей» [9, с.296].

Итак, после периода резкой политизации энергетической дипломатии, характерной для докризисного этапа развития энергетических отношений между Россией и западными странами – потребителями энергоресурсов, наметилась тенденция к преобладанию экономических подходов. Однако это не означает полной гармони-

зации отношений между Россией и ЕС в энергетической сфере. В интересах России разработать режим, который устраивал бы и производителей, и потребителей энергоресурсов. Но в случае, если дебаты о принятии такого режима примут острый характер, это может привести к новому витку политизации и секьюритизации энергетической дипломатии с обеих сторон.

Литература

1. *Buzan B., WHver O., Wilde J. de.* Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998.
2. *Морозов В.* Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // Международные процессы. Т.4. № 1(10). Январь-апрель 2006.
3. Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали, 18 апреля 1951. С изменениями Амстердамского договора, 0J C 340/01 (1997). Прекратил свое действие в 2002 г.
4. *Борко Ю.* Что такое Европейский союз? М.: Интердиалект+, 2000.
5. Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии, 25 марта 1957, с изменениями Амстердамского договора, OJ C 340/01(1997).
6. *Стержнева М.Е.* Институциональное развитие ЕС/ Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития. Под. ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. М.: УРСС, 2001.
7. *Шпэт Л.* Мечта о Европе. М.: Международные отношения, 1993.
8. *Романова Т.А.* Диалог России и ЕС возвращается к экономическим основам // Россия в глобальной политике. 19 июня 2010.
9. *Язев В.А.* Стратегическое партнерство России и ЕС в энергетике: проблемы и перспективы (Выступление на парламентском вечере ФНГ. Брюссель. 9 апреля 2008 г.) // Язев В.А. Публикации, выступления, интервью. Январь 2005 – июнь 2008 г. М.: Граница, 2008.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ

Елена БЕССОНОВА

кандидат экономических наук, доцент, докторант экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Наряду с сельскохозяйственными организациями важным сектором становится крестьянско-фермерское хозяйство как следствие земельного реформирования.

В советской экономике крестьянский (фермерский) сектор был ликвидирован в годы коллективизации. К середине 90-х гг. количество хозяйств на территории России возросло до 285 тыс. и представляло уже определенную систему однотипных по форме собственности, экономическим интересам и механизмам их реализации хозяйств.

В конце 80-х – начале 90-х гг. в рамках советской экономики начали появляться первые фермерские хозяйства. Индивидуальный предприниматель по сельскохозяйственной деятельности – это гражданин (физическое лицо), занимающийся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, с момента его государственной регистрации в соответствии с ГК РФ, введенным в действие с 1 января 1995 г., и заявивший в Свидетельстве о государственной регистрации виды деятельности, отнесенные согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД) к сельскому хозяйству [1, с.230-231].

Как правило, фермерское хозяйство в современных условиях является не объединением крестьян-родственников, а единоличным хозяйством физического лица. Имущество фермерского хозяйства находится не в общей, а в частной собственности учредителя фермерского хозяйства и функционирует совместно с арендованным имуществом и заемными финансовыми средствами.

Трудовые функции в фермерском хозяйстве осуществляются как членами семьи фермера, так и привлеченными наемными работниками, что соответствует предпринимательскому характеру фермерского хозяйства. Уборочные работы в большинстве фермерских хозяйств ведутся с применением наемной рабочей силы. В то же время фермер со своей техникой нередко оказывает производственные и транспортные услуги другим субъектам хозяйственной деятельности: личным подсобным хозяйствам, другим фермерам, индивидуальным предпринимателям.

Преодоление финансового дефолта и экономического кризиса в начале наступившего десятилетия создало макроэкономическую стабилизацию и улучшение условий для деятельности фермерского хозяйства. Этому способствовало и утверждение нового Земельного кодекса РФ, а затем и Федерального закона о гражданском обороте сельскохозяйственных земель.

Количество фермерских хозяйств в динамике растет (**таблица 1**).

Темпы роста за исследуемый период составили 139,5%. Площадь земельных участков фермерских хозяйств возросла в 2,9 раза. Размер их средней площади также увеличился в 2 раза [1, с.240]. Например, общая земельная площадь фермерских хозяйств Курской области в динамике за тот же период увеличилась в 2,2 раза, с 108 тыс. га до 236,5 тыс. га. При этом сократилось количество фермерских хозяйств на 29%. Средний размер участков значительно выше, чем в среднем по РФ. Если в 1995 г. он составлял 57 га (на 14 га больше показателя в среднем по России), то в 2008 г. средней размер участка в Курской области составил 174 га, что в 2 раза больше среднего показателя по РФ.

Наблюдается рост доли продукции, произведенной фермерскими хозяйствами в общем объеме производимой продукции, с 3,0% в 2000 г. до 8,9% в 2008 г. Рассмотрим эти тенденции на примере Курской области (**таблица 2**).

По всем основным продуктам доля фермерских хозяйств значительно возросла. За последние пять лет наблюдается увеличение удельного веса производства основных видов сельскохозяйственной продукции, произведенной крестьянскими (фермерскими) хозяйствами Курской

Таблица 1. Динамика показателей экстенсивного расширения фермерских хозяйств в Российской Федерации

Показатели	1992 г.	1995 г.	2000 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2008 г.
Число хозяйств, тыс.	182,8	280,1	261,7	261,4	257,4	255,4	255,0
Площадь земельных участков, млн га	7,8	12,0	15,2	19,2	19,2	20,5	22,6
Средний размер участков, га	43	43	58	73	75	81	86